

Дополнительная история к четвёртой части (прим. заливщика, если конкретно — 2 том 4 части или 14 том по сквозному счёту), в которой показано взаимодействие между фракциями в дворянской академии от лица Родериха, ребёнка среднего дворянина бывшей фракции Вероники. Ситуация, в которой он находится, довольно сложная.

Заметка автора: Я написала эту историю, потому что меня попросили осветить вопрос, как дети дворян из бывшей фракции Вероники проводят время в дворянской академии и в общезнании.

В зале для собраний, где находилось больше десятка детей из бывшей фракции Вероники, общее настроение было довольно скверным.

— Я слышал, что это были самовольные и необдуманные действия бывшего виконта Джойсотарка. Мне слабо верится, что те, кто напал тогда на семью герцога, действительно были личными солдатами дворянина из Аренсбаха... — со вздохом произнёс один из присутствующих.

Тем не менее, судя по голосам остальных, они верили словам госпожи Розмайн о нападавших. Именно в этом заключалась причина, по которой семья герцога желала держаться подальше от Аренсбаха.

— Родерих, ты задал хорошие вопросы. То, что мы теперь знаем, почему ауб опасается Аренсбаха, имеет большое значение для нашего будущего, — чуть улыбнувшись, похвалил меня Матиас, учащийся на третьем году на курсе рыцарей.

Поскольку я был отчуждён господином Вильфридом, мне оказалось сложно решиться начать громко задавать вопросы в столовой, где собрались все студенты Эренфеста. Если бы это было возможно, я бы хотел, чтобы вместо меня их задал кто-то другой. Вот только, как бы страшно мне ни было, у меня не оставалось другого выбора, кроме как прямо спросить госпожу Розмайн про Аренсбах. Если все согласятся с объяснением госпожи Розмайн, то это будет значить, что моя роль исполнена. Я осмотрел зал для собраний и немного расслабил плечи, после чего, практически не дыша, стал дожидаться окончания обсуждения.

По настоянию отца два года назад я отправился играть с господином Вильфридом, в результате чего запятнал свою репутацию. С тех пор я оказался отчуждён внутри своей фракции. Все стали холодно смотреть на меня, объясняя своё отношение тем, что бывшая фракция Вероники теперь перешла к господину Вильфриду, который должен стать следующим герцогом.

«Станет ли мне хоть немного комфортнее находиться в своей фракции?» — думал я, пока все серьёзно говорили о том, что как члены бывшей фракции Вероники они должны работать сообща.

— Если влияние дворян Аренсбаха, действия которых привели к падению госпожи Вероники, со временем уменьшится, то наша фракция сможет немного вернуть свои позиции... Однако, если Аренсбах действительно причастен к нападению на семью герцога, а́уб будет и дальше подозревать нас. Будущее выглядит мрачным.

Многие в нашей фракции связаны с дворянами Аренсбаха. Фракция образовалась из детей и внуков последователей госпожи Габриэллы, которые последовали за ней из Аренсбаха, когда та вышла замуж в Эренфест. По её совету госпожа Вероника укрепляла связи с Аренсбахом, а сестра текущего ауба, госпожа Георгина, была выдана туда замуж.

— Неудивительно, что старшему брату Фройдену было отказано в браке с дворянкой Аренсбаха. Пусть у него и было разрешение отца, но вот а́уб своего дозволения не дал. Такое редко случается, и я гадал, почему так вышло... — сказал Ла́уренц, покачивая головой.

Он был второкурсником с тёмно-зелёными волосами, и, как я понял, брак его брата оказался отвергнут аубом.

— Во время чаепития, перед тем как отправиться в дворянскую академию, я слышала, что запрос на брак от господина Лампрехта, служащего рыцарем сопровождения господина Вильфрида, тоже был отклонён. Тогда я подумала, что это из-за того, что господин Лампрехт проживает в дворянском районе, однако даже гибу было отказано... Думаю, у меня тоже нет никаких шансов, — разочарованно сказала Патриция, влюблённая в дворянина Аренсбаха.

Патриция училась на пятом году и, судя по всему, намеревалась переехать в герцогство избранника.

Как первокурснику мне было ещё рано задумываться о браке, однако нашлось много людей, которые не ожидали, что могут начаться проблемы с получением разрешения на брак от ауба, а потому в зале сразу же стало шумно.

После визита госпожи Георгины взрослые посоветовали нам углубить связи с Аренсбахом, чтобы подавить аристократов Лейзеганга и восстановить силу фракции.

«Тем, кто уже нашёл себе партнёра в Аренсбахе, должно быть тяжело, — подумал я. — Впрочем, ко мне проблемы брака не имеют никакого отношения...»

Я был сыном второй жены, а не наследником. Если бы я стал последователем господина Вильфрида, то существовала возможность, что я смог бы жениться, однако она исчезла после того инцидента с Белой башней. Никто не захотел бы иметь связь с дворянином, попавшим в немилость к герцогской семье.

«Отвести господина Вильфрида в Белую башню мне велел отец, но после того, как этим действием я запятнал себя, отец начал меня избивать. Я не смогу создать собственную семью, потому что он просто не даст мне разрешение на брак».

— Я понимаю, почему семья герцога относится к Аренсбаху с настороженностью, но когда у герцогств общая граница, то просто невозможно не вести никаких дел. Я сам мог видеть, что даже торговцам стало перемещаться сложнее. Это делает торговлю с Эренфестом невыгодной... Что áуб собирается делать с гибами? — недовольно произнёс Лауренц, сын виконта Виртра, чьи земли располагались по соседству с Аренсбахом.

На данный момент существовало указание не принимать дворян из других герцогств в дворянском районе Эренфеста, но теперь всех беспокоило, что это указание распространится на всё герцогство.

— Земли Герлаха тоже имеют границу с Аренсбахом и поддерживают с ним тесные отношения. Я не знаю подробностей, но, похоже, мой отец замешан в каких-то подозрительных делах. К тому же он был дружен с бывшим виконтом Джойсотарком... — горько улыбнувшись, сказал Матиас, сын виконта Герлаха.

Хотя разница в возрасте у нас с ними была в год-два, у меня возникло ощущение, что сыновья гибов обеспокоены бóльшим количеством вещей. Живя в дворянском районе, я никогда не задумывался, какие невзгоды могут быть у дворян тех земель, что граничат с Аренсбахом.

— Ха-а, если бы только госпожа Вероника была с нами, то всё было бы иначе. Она могла бы защитить нас, — с тяжёлым вздохом пробормотал старшекурсник Руберт и холодно посмотрел на меня.

Я тут же непроизвольно напрягся. После того, как я услышал слова ободрения госпожи Розмайн, моё настроение улучшилось, но сейчас оно снова погрузилось во тьму. Хотя уже два года прошло с той ошибки во время охотничьего турнира, но вспоминая о ней, я неизбежно чувствовал себя несчастным.

В день, коренным образом изменивший мою жизнь, меня и нескольких знакомых детей подозвал к себе отец и сказал: «Пригласите господина Вильфрида поиграть, а затем отведите к Белой башне, в которой находится госпожа Вероника». Однако, поскольку дверь в эту башню может открыть только член семьи герцога, и туда нельзя заходить посторонним, отец запретил нам входить в неё...

Играть с друзьями было невероятно весело. До этого мне доводилось играть лишь с дочерьми подруг моей матери. Но даже если семьи находились в хороших отношениях, дети не могли часто приходить друг к другу поиграть. Так что у меня не было друзей среди мальчиков, пока я не попал в детскую комнату.

Следуя указаниям взрослых, мы искали в глубине леса Белую башню. Когда она нашлась, то мы уговорили господина Вильфрида открыть дверь, а затем и войти в башню, в которую мог попасть только член семьи герцога. Переговариваясь о том, что же там внутри, и что было бы здóрово тоже войти в неё, мы ждали возвращения господина Вильфрида.

Когда он вышел из башни, то хмурился и так и не сказал, что там произошло. Господин Вильфрид только обмолвился, что бабушка велела ему никому не рассказывать об этом. Он выглядел глубоко задумчивым, а потому мы посчитали, что лучше не расспрашивать его. Наконец, господин Вильфрид сказал, что у него не так много возможностей поиграть с другими, и решил продолжить играть. Вот так мы сделали то, что велел мой отец.

Весёлый охотничий турнир завершился, и вскоре начались зимние круги общения. Было объявлено, что господин Вильфрид наказан за вход в Белую башню и больше не считается следующим герцогом, а дворян, указавших ему на местонахождение башни, подвергли лёгкому наказанию. Я не понимал, о чём говорил ауб. Помню лишь, что слушал тогда, с сомнением наклонив голову. Это был последний день моей безмятежной жизни.

Той ночью произошло нападение на семью герцога, и на следующий день в детской комнате господин Вильфрид встретил меня и остальных холодным взглядом. Дети, с которыми мы тогда играли вместе, тут же обвинили меня, сказав: «Это Родерих предложил пойти в Белую башню». Когда я спросил отца о случившемся во время открытия зимних кругов общения, он сказал, что это моя вина, что план провалился, а затем избил меня...

Всего за один день моя жизнь сменилась нескончаемой чередой презрения, насмешек и унижения. Я превратился во всеми ненавидимого мальчика для битья. Происходящее казалось настолько лишённым смысла, что я просто не мог понять, что происходит. Единственное, что я понимал, так это то, что у меня был низкий статус, а потому мне ничего не оставалось, кроме как терпеть всю эту необоснованную жестокость.

Господин Вильфрид сказал, что просто не знал, что в Белую башню заходить запрещено, и сожалел, что его лишили положения следующего герцога. Меня поразили его слова о том, что незнание — это грех. Но хотя господин Вильфрид и не считался больше следующим герцогом, он продолжал жить как член герцогской семьи, пользуясь всеобщим уважением. Отношение к нему других дворян было таким же, как и к госпоже Шарлотте. Это отличалось от моей ситуации. Отец говорил, что это я во всём виноват, и избивал меня, используя затем лекарство восстановления, чтобы не оставалось синяков и ссадин. В своей фракции я стал изгоем, презируемым остальными.

«Мы с господином Вильфридом оба совершили грех по незнанию. Но последствия для нас оказались разными. Такова разница в нашем статусе».

Я стоял в оцепенении, свесив голову и лишь услышав чей-то сдержанный голос, поднял её, чтобы посмотреть на говорившего.

— Руберт, стой, — сказал старший брат Матиаса, Янрик, махнув рукой. — Это некрасиво. Та неудача связана с тем, что господин Вильфрид и его последователи не ведали, что даже для члена семьи герцога вход в Белую башню запрещён.

Руберт больше не стал ничего говорить, но продолжал с ненавистью смотреть на меня.

— Всё так, как и сказал Янрик, — поддержал его Лауренц. — Родерих говорил, что сделал это лишь потому, что ему так велел отец.

Матиас кивнул, соглашаясь с ним, а затем добавил:

— Благодаря тому, что госпожа Розмайн проснулась, а также запрету на конфликты между фракциями в общежитии, в этом году в дворянской академии стало намного комфортнее. Лучше думать о будущем, чем вспоминать то, что было в прошлом.

Поскольку я поступил в академию в этом году, то не знал, как в общежитии жилось раньше. Однако в прошлом и позапрошлом годах дворяне Лейзеганга подавляли нашу фракцию, и, похоже, ситуация была скверной. Судя по всему, обстановка в общежитии ощущалась не лучше той, которую я чувствовал в детской комнате.

— Да, безусловно, сейчас здесь стало комфортнее, чем в прошлом году, — подтвердил Руберт. — Но когда я поступил в академию, ситуация была лучше. Я мог говорить со всеми на равных, и при этом мне не требовалось следить за выражениями лиц дворян Лейзеганга, как приходится делать сейчас. Ха-а, если бы только госпожа Вероника была с нами.

Когда я услышал слова Руберта о том, как здесь обстояли дела в прошлом, то почувствовал сожаление, что не родился раньше. Уверен, нам было бы гораздо легче жить, если бы госпожу Веронику не арестовали.

— Но теперь госпожа Георгина сможет снова посетить Эренфест. При поддержке Аренсбаха господину Вильфриду не составит труда вернуть себе положение следующего герцога. И, похоже, у него сложились хорошие отношения с госпожой Дитлиндой. Ситуация больше не будет такой безрадостной. Госпожа Георгина и господин Вильфрид смогут укрепить отношения Эренфеста с Аренсбахом, которые построили госпожа Габриэлла и госпожа Вероника, — сказал Янрик и оглядел всех.

Он учился на последнем году и видел, как менялась ситуация в общежитии. Поэтому его слова казались весьма убедительными. Даже Руберт выглядел убеждённым.

— Хм, я слышал, что господин Вильфрид хотел подружиться с госпожой Георгиной. Надеюсь, это скоро случится. Полагаю, тогда даже госпожа Вероника будет прощена и сможет покинуть Белую Башню.

— Нет, проступок госпожи Вероники слишком тяжёл. Даже её сын, ауб, не сможет оправдать её. Госпоже Веронике будет трудно покинуть башню, — пожав плечами, ответил Янрик.

Было похоже, что Янрик не уделял особого внимания госпоже Веронике, однако для Руберта

надежды фракции были связаны именно с ней.

— Но разве причиной ареста госпожи Вероники стал не заговор господина Фердинанда, которого она так недолюбливала. Присоединившись к храму, он усыпил бдительность остальных дворян и стал выжидать. Вот почему мой отец советовал аубу не смотреть на то, что господин Фердинанд ушёл в храм, а последовать пожеланиям госпожи Вероники...

— Руберт, критика действий ауба должна быть умеренной, — остановил его Янрик.

Руберт огляделся и, вздохнув, ответил:

— Это не критика. Пусть там и был заговор, у ауба не было другого выхода, кроме как осудить госпожу Веронику. Однако решение ауба может быть отменено. Когда господин Вильфрид станет новым аубом, он сможет простить преступление госпоже Веронике.

— Верно, господина Вильфрида воспитывала госпожа Вероника. Если он будет знать о заговоре, то просто не оставит ситуацию с его бабушкой, как есть, — поддержали Руберта другие члены фракции.

Цепляясь за слабую надежду, они начали подчёркивать то, что господина Вильфрида и госпожу Веронику связывают кровные узы, а также то, что она воспитывала его. Я отнёсся к их предположениям с прохладой.

«Неужели кровная связь и воспитание хоть что-то стоят? Такие вещи можно легко отбросить, — подумал я, погладив щёку, по которой часто бил меня отец. — Кроме того, разве госпожа Розмайн не больше подходит на роль следующего ауба, чем господин Вильфрид?»

Между моим первым и вторым годом в детской комнате ощущалась огромная разница. Господин Вильфрид и госпожа Шарлотта не управляли детской комнатой, а лишь увлекали детей за собой и играли вместе с ними. А вот госпожа Розмайн не играла с остальными. Она держалась на расстоянии, но при этом блестяще следила за всем происходящим, чтобы мы учились и играли не слишком много и не слишком мало. Другими словами, подходы к детской комнате полностью отличались.

— Но сможет ли господин Вилфрид вновь вернуть себе положение следующего ауба? — с сомнением произнёс Матиас.

— Матиас, — окликнул брата Янрик.

— Знаешь, брат, я считаю, что после того, как господин Вильфрид запятнал свою репутацию, ему сложно будет стать следующим аубом, — тихо продолжил Матиас. — Даже для меня, принадлежащему к другой фракции, очевидно превосходство госпожи Розмайн. Конечно, в дворянской академии господин Вильфрид также добился отличных результатов, но они

находятся на совершенно разном уровне.

Тихие и спокойные слова Матиаса остудили пыл остальных. Я тоже был согласен со сказанным. Возможно, студенты первых трёх лет обучения, видевшие своими глазами таланты госпожи Розмайн, чувствовали то же самое, что и Матиас. Однако Янрик покачал головой и, криво улыбнувшись, возразил:

— Я признаю превосходство госпожи Розмайн, но, тебе не кажется, что у неё есть недостаток в родословной? Чтобы стать аубом, недостаточно одного лишь этого превосходства. Даже при поддержке дворян Лейзеганга. Госпожу Розмайн герцог удочерил. Она не ребёнок леди Флоренции. Кроме того, госпожа Розмайн — девочка, а потому маловероятно, что она станет следующим аубом.

— Но брат...

— Ауб Эренфест не может полностью отдалить нашу фракцию. Кроме того, учитывая текущие взаимоотношения между фракциями, он не сможет отказаться и от господина Вильфрида. Мы с отцом считаем, что велика вероятность того, что господин Вильфрид вернёт себе положение следующего ауба, а госпожа Розмайн станет его первой женой, обеспечив поддержку дворян Лейзеганга.

Вариант, на который указал Янрик, казался очень реалистичным. Вот только... Разве ауб уже не сбросил со счетов бывшую фракцию Вероники? Учитывая нынешний подъём дворян Лейзеганга, мне казалось, что это уже свершившийся факт...

— Господин Янрик, есть ли доказательства, что ауб не решит отказаться от нас?

— Во-первых, среди последователей ауба всё ещё остаётся много дворян из нашей фракции. Во-вторых, дворяне, поддерживающие госпожу Розмайн, ограничены лишь фракцией Лейзеганга. В-третьих, если бы ауб решил внезапно отказаться от нас, то работа бы встала. Нет смысла заменять дворян, не виновных в чём-либо, и навлекать на себя ненужные обиды.

Причины, которые привёл Янрик, выглядели весьма убедительными. Я не мог не кивнуть на его слова.

— Ещё в то время, когда госпожа Вероника была у власти, ауб привлекал дворян Лейзеганга в число последователей леди Флоренции. Другими словами, он принимал меры, чтобы сохранять баланс между фракциями, поддерживающими герцогскую семью. Раньше я был недоволен таким положением дел, но теперь считаю, что если не произойдёт чего-то чрезвычайного, то от бывшей фракции Вероники не откажутся.

Придя к выводу, что наше будущее не такое уж мрачное, мы закончили обсуждение. Тем не менее, все дети здесь были в том возрасте, когда ещё не могли покинуть фракцию родителей по собственной инициативе. Но пусть у нас и не было абсолютной уверенности в том, чего

можно ожидать, но было хорошо уже то, что мы, судя по всему, могли провести зиму в общежитии спокойно.

Со следующего дня госпожа Розмайн начала посещать библиотеку. В результате сняли и запрет на посещение библиотеки для первокурсников. Поскольку все первокурсники уже зарегистрировались, посещение библиотеки было бесплатным, вот только никто из нас не смог бы сказать: «Я схожу в библиотеку» — прямо перед госпожой Розмайн, заплатившей взнос.

Каждый день госпожа Розмайн, взяв очередную книгу, возвращалась с блаженной улыбкой незадолго до того, как пробыёт шестой колокол. После еды она, вероятно, читала книги в своей комнате, а потому стала реже появляться в общем зале.

В результате без госпожи Розмайн общий зал перешёл под контроль господина Вильфрида и его последователей. Буквально через несколько дней общий зал стал для меня неудобным местом, так как последователи господина Вильфрида с подозрением относились к студентам из бывшей фракции Вероники, опасаясь, что те могут снова навредить их господину. Я хотел найти себе безопасное место, где можно было бы переждать время с того момента, когда госпожа Розмайн отправлялась в библиотеку, и до начала дневных практических занятий.

— Есть ли хорошее место, где я мог бы укрыться... — вырвалось у меня тихое бормотание, когда я сидел в ванной.

Большинство средних дворян не могли себе позволить отдельные комнаты, а потому жили в общих, деля их с ещё несколькими студентами. Местами, где я мог укрыться от глаз других людей, были лишь кровать, ванна и туалет. Потайных комнат здесь не предполагалось. Магическая сила требовалась для занятий, а потому средние дворяне не могли потратить её на создание потайных комнат.

— Место, где вы могли бы укрыться? — переспросил мой слуга, Кашмир.

Похоже, он услышал моё бормотание и теперь смотрел на меня с сочувствием. Наверное, он понимал, что благодаря присутствию госпожи Розмайн в общем зале общежития моя жизнь стала спокойной, и что теперь это мирное время могло подойти к концу.

— Как насчёт библиотеки? Никто не осмелится вести себя неподобающе в библиотеке, так ценимой госпожой Розмайн. Кроме того, переписывание книг является задачей от герцогства. Я думаю, что это подходящее место, чтобы укрыться...

Госпожа Розмайн велела нам отложить любые конфликты между фракциями до возвращения в герцогство и оценивала работу студентов, не обращая внимания на то, кто к какой фракции принадлежит. Естественно, что никто не сможет вести себя неподобающе в библиотеке, прямо на глазах у госпожи Розмайн. А учитывая отношение отца ко мне, если бы я смог зарабатывать

на переписывании книг, то это очень мне помогло. Если бы у меня была возможность заработать на оплату работы слуг, то Кашмир бы тоже порадовался этому.

— Но, Кашмир, если я пойду туда, то неизвестно, как к этому отнесутся господин Вильфрид и его последователи, которые обязательно будут смотреть на меня с подозрением.

— Это госпожа Розмайн просила переписывать книги. Поэтому, я думаю, что всё будет в порядке, если вы будете сохранять дистанцию, чтобы не раздражать последователей господина Вильфрида.

Прислушавшись к совету Кашмира, я решил пойти в библиотеку. Удостоверившись, что госпожа Розмайн и остальные ещё только готовятся к выходу, я отправился туда немного раньше. Когда я вошёл в читальный зал, оттуда со словами: «Юная леди прийти» — вышли магические инструменты в виде шмилов. Вероятно, они пошли приветствовать госпожу Розмайн.

Я не мог одолжить ключ от каррела, пока магический инструмент библиотеки не вернётся, и пока я в неуверенности стоял и ждал, в читальный зал вошли госпожа Розмайн и остальные. Похоже, госпожа Розмайн уже определилась, что будет читать, поскольку сразу же направилась вверх по лестнице.

— Ох, господин Родерих. Вы тоже пришли в библиотеку переписывать книги? — заметив меня, робко спросила Филина.

Филина была низшей дворянкой, и сейчас, держа в руках письменные принадлежности, направлялась в каррел. Возможно потому, что мы вместе с ней упорно трудились, чтобы сдать экзамены с первого раза, а может потому, что вместе ходили на лекции по истории и географии, Филина разговаривала со мной нормально, без предубеждения и неприязни.

— Я хотел бы переписать книгу, которая была бы полезна госпоже Розмайн. Филина, ты не знаешь, какую лучше взять?

— Да, конечно. Вот список. Прямо сейчас я переписываю вот эту книгу. Почему бы вам не взять себе эту? — показав мне список, заинтересовалась Филина.

Затем она позвала Шварца и Вайса, чтобы они подготовили книги и каррелы. Филина говорила и действовала немного неловко. Я подумал, что она пока не привыкла объяснять другим, какие книги из списка следует взять.

Наблюдая за действиями Филены, я почувствовал на себе чей-то взгляд и оглянулся. Издали за нами наблюдал господин Хартмут. Взгляд его оранжевых глаз был весьма пристальным, отчего

я мгновенно напрягся.

— Господин Родерих, теперь мы можем пойти в каррелы... Что-то случилось?

— Господин Хартмут наблюдает... Похоже, он настороже.

— Хартмут просто приглядывает за мной, чтобы убедиться, делаю ли я всё так, как он меня учил. Я очень нервничала, когда меня сделали последовательницей, но все в свите госпожи Розмайн очень добрые и заботливые. Я так благодарна им, — с улыбкой ответила Филина.

Я хотел бы сказать: «Я рад за тебя», но просто не мог выдать такие слова поддержки. Я чувствовал зависть к Филине, которую выбрали последовательницей госпожи Розмайн и к которой так хорошо относились, что она могла называть господина Хартмута просто по имени.

«А ведь она всего лишь низшая дворянка!» — мысленно прокричал я.

Да, я понимал, что не должен относиться к ней с предубеждением. Но ничего не мог поделать с уколами зависти к Филине, сумевшей стать последовательницей госпожи Розмайн. Я плотно сжал губы, скрипя зубами.

— Филина, с объяснением проблем нет, но ты и сама знаешь, что в твоих словах и действиях остаётся неловкость, — сказал подошедший к нам господин Хартмут. — Не следует демонстрировать робость перед студентами из других герцогств. Тебе нужно больше практиковаться.

Услышав голос господина Хартмута, я задрожал. Поблагодарив Филину, что та распорядилась подготовить мне книгу и бумагу, я поспешил в каррел. Заперев дверцу каррела, я сел на стул, оказавшись к ним спиной.

На столе в карреле находились книга, бумага, чернила и перо — всё необходимое для переписывания книги. Протянув руку, я открыл книгу. Там оказалась история о рыцаре. Стоило мне увидеть её, как я вспомнил о той истории, которую когда-то рассказывал госпоже Розмайн, отчего у меня на глазах навернулись слёзы.

«В прошлом и я, и Филина рассказывали истории госпоже Розмайн, из которых затем была сделана книга. Но теперь между нами такая разница, — стиснув зубы, подумал я, смотря на книгу, и постарался не заплакать, поскольку это библиотека, а не потайная комната. — Всё из-за фракций. Если бы я состоял в другой, то, может, сейчас был бы в том же положении, что и Филина».

Я завидовал Филине и хотел, чтобы госпожа Розмайн заметила и меня.

Три года назад в конце зимы госпожа Розмайн посчитала, что даже те, у кого нет денег на покупку каруты и игральных карт, могут их одолжить. Тогда я очень завидовал всем, кому родители их купили, и был очень счастлив возможности одолжить каруту и карты в обмен на истории.

Я не мог позволить себе потерпеть неудачу и потому начал с воодушевлением рассказывать историю о храбром рыцаре, которую когда-то слышал от мамы. Вот только по мере того, как я говорил, мысли начали путаться. Через какое-то время я уже не мог вспомнить содержание истории, словно воспоминание о ней смыло магией стирки. Чем больше я пытался вспомнить продолжение истории, тем хуже у меня получалось. Но я не мог перестать говорить, а потому начал придумывать на ходу. Госпожа Розмайн посмеивалась, слушая то, что я сочинял, но продолжала записывать. В то время я не отдавал себе отчёта в происходящем и был просто рад, что мог одолжить карты.

Вот только в следующем году на госпожу Розмайн напали, и она заснула, а в детской комнате все начали меня презирать. В конце зимы компанией «Плантён» была проведена продажа книг и прочих товаров. И среди того, о чём говорилось в детской комнате, оказалась одна книга. Я не знаю, как выразить то, что я тогда чувствовал. Все те, кто презирал меня, читали мою историю. Некоторые даже посмеивались, считая её забавной. С тех пор, как отец сказал, что я не нужен ему, я впервые почувствовал, что и для меня в мире есть место. Вот только госпожи Розмайн, которой я мог рассказать истории, рядом не было.

За два года после инцидента с Белой башней я привык, что меня презирают. Зимой мне сказали, что я позор для дома, что мне не стоит жить, и я даже начал верить в это сам.

Но госпожа Розмайн оценила мои труды. Отчуждённому господином Вильфридом, терпящему побои отца, выслушивающему упрёки от людей из моей фракции, мне не было места ни в детской комнате, ни дома. Однако госпожа Розмайн относилась ко мне так же, как и ко всем остальным. Она оценила историю, которую я написал два года назад, и заплатила за неё.

«Но она пока не заметила меня?»

Никто, кроме меня, не знал, насколько оценка моей работы госпожой Розмайн была важна для меня, которого считали никчёмным даже члены семьи. Моё сердце было спасено тем, что теперь я мог жить в общежитии, не раздираемом конфликтами между фракциями.

— Я напишу историю, — пробормотал я, прекратив переписывать, когда эта мысль пришла мне в голову.

Я хотел что-нибудь написать. Не просто переписать книгу, поскольку с такой работой мог справиться кто угодно, а написать собственную историю. И на этот раз не для того, чтобы одолжить карты, а для того, чтобы посвятить её госпоже Розмайн.

Взяв перо, я окунул его в чернила.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/2356854>